

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Что было и чего не было

(Из будущей книги
того же названия)

В начале 50-х годов известный писатель Юрий Карлович Олеша дошел до крайней степени нищеты, и его единственный серый костюм, в течение многих лет чуть ли не ежедневно реставрируемый любящей женой писателя, многострадальной Ольгой Густавовной, пришел в такое состояние, что не сгодился бы даже самому убогому нищему. О новом костюме мечтать не приходилось — никаких денежных поступлений не предвиделось, и, наоборот, редакции и театры настойчиво требовали обратно авансы — ни один договор Олешей выполнен не был. А потому Ю. К. вообще не выходил из дома и целыми днями лежал в постели под ветхим лоскутным одеялом, время от времени записывая свои не рассчитанные на издание мысли, впоследствии вошедшие в изданную после его смерти книгу «Ни дня без строчки».

О таком печальном положении писателя узнал Эммануил Казакевич — посредственный еврейский поэт и прекрасный русский прозаик, чьи повести «Двое в степи» и «Звезда» обрели широкую популярность. А Олешу Казакевич

буквально боготворил, и как писателя, и как весьма неординарную личность. И решил немедленно ему помочь. Узнав, что приближается день рождения Ю. К., он совершил благородный поступок: продав свою единственную пишущую машинку, купил в комиссионке дорогой заграничный костюм. И с этим подарком появился в квартире, чтобы поздравить своего кумира.

Ольга Густавовна была потрясена щедростью Казакевича.

— Юра, Юра, посмотри, какой прекрасный подарок тебе принес Эмма. Встань, проснись! — взволнованно и радостно теребила она Ю. К., как обычно лежащего в постели лицом к стене. Тот нехотя повернул свое мрачное, заросшее седой щетиной лицо, мельком, свинцовым и равнодушным взглядом окинул роскошное одеяние и недовольно пробурчал: «Не мои тона», после чего снова повернулся к стенке и замолчал, так и не поблагодарив опешившего Казакевича и не приняв подарка.

Огорченный даритель сдал костюм обратно в комиссионку — ему самому он был абсолютно не по размерам.

Незадолго до начала войны я задумал написать оперу по пьесе А. Н. Островского «Гроза». И решил посоветоваться по этому поводу с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко, как известно, он весьма благожелательно относился к творческой молодежи — композиторам, драматургам. В частности, поставил в руководимом им театре одно из лучших сочинений юного еще тогда Тихона Хренникова — оперу «В бурю».

В. И. любезно согласился меня принять. Несмотря на присущую мне в молодые годы самоуверенность, я несколько заробел, войдя в квартиру человека, представлявшего целую эпоху в истории русского искусства.

Не буду распространяться о необычайном внимании к замыслам собеседника, поразительном художественном чутье и эрудиции великого режиссера — скажу только, что он отсоветовал мне браться за эту работу, приведя в пример неудачи композитора Кашперова, чья опера «Гроза» в начале века с треском провалилась в двух театрах, а также незаконченные попытки Ребикова, Акименко и совершенно неизвестного мне даже по фамилии, но, как уверял В. И., гениально одаренного и рано скончавшегося Н. Величко. «Очевидно, притягательность для композиторов кроется в сильных страстях, бушующих в пьесе, но они настолько ярко выражены в мощной драматургии и блестящем языке, что для музыки уже не остается места», — таково было мнение В. И. И в результате я с ним согласился.

В. И. вышел меня провожать в переднюю и, совершенно неожиданно сняв с вешалки мое пальто, любезно его передо мной распахнул. Я растерялся. Не говоря уже об огромной разнице в возрасте, наши творческие и общественные масштабы были несопоставимы. Но, игнорируя мой активный протест, В. И., слегка улыбувшись, сказал:

— Молодой человек! Я всем своим посетителям помогаю одеться с тех пор, как мне держал пальто Иван Сергеевич Тургенев. А был я тогда еще моложе вас...